

ихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрелся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). „Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуемъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ,—говоритъ ап. Павелъ (Рим. 9, 1—4),—что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянь“. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не былъ чуждъ патріотическаго чувства. Это доказываетъ вся исторія Его земной жизни. Для подтвержденія этого мы не будемъ ссылаться на Его любовь къ Галилеѣ, Тиверіадскому озеру, „Своему городу“ ¹⁾ Капернауму; мы напомнимъ только читателю о томъ, какъ за нѣсколько дней до Своихъ крестныхъ страданій, во время торжественнаго входа въ столицу Палестины, Спаситель, взглянувъ на Іерусалимъ, „заплакалъ о немъ и сказалъ: о если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему!“ (Лук. 19, 42). Сколько проявлено въ этихъ словахъ и этихъ слезахъ любви къ священному для каждаго іудея городу! Могъ ли послѣ этого Христосъ, Самъ плакавшій объ Іерусалимѣ, осудить тѣхъ іудеевъ, которые, движимые чувствомъ благороднаго патріотизма, также со слезами говорили нѣкогда, обращаясь къ тому же городу: „При рѣкахъ Вавилона тамъ сидѣли мы и плакали, когда воспоминали о Сионѣ... Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ,—забудь меня десница моя; прильни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Ис. 136, 1. 4—6). А если христіанство не можетъ осуждать іудейскаго патріотизма, котораго не былъ чуждъ и Самъ Спаситель, то какъ же оно будетъ осуждать патріотизмъ вообще?...

Толстой возмущается войною главнымъ образомъ потому, что ради нея, въ Европѣ держится подъ ружьемъ 28.000,000 молодыхъ людей и что на содержаніе ихъ съ 1872 года (до какаго года—неизвѣстно) народы Европы издержали 15 миллиардовъ рублей) ²⁾. По этой же причинѣ онъ крайне возмущается

¹⁾ Мс. 9, 1.

²⁾ Ч. I. стр. 181. 182.